„Wremja"

Рукописи, без обозначенія условій считаются безплатными.

Редакція не обязана возвращать мелкія рукописи.

Редакція газ. „Время" в Берлинѣ — Berlin W 8, Kronen Strasse 4/5

Тел.: Zentrum 70-41, 34-86

Редактор принимает ежедневно от 12—1 ч.

Пріем подписки и объявленій в конторѣ издательства Berlin W 8, Kronenstr. 4—5. Телеф.: Zentrum 7041 и 3406.

ВРЕМЯ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Цѣна в Германіи 120000 Марок
Preis in Deutschland 120000 Mark

Подписная цѣна в Германіи 350000 марок в мѣсяц

Цѣна об'явленій: Послѣ текста 120 000 мар. за миллиметр въ текстѣ 360 000 марок за миллиметр.

№ 268 | Берлин, Понедѣльник 3 сентября 1923 г. | Год изданія V

СОДЕРЖАНІЕ.

В. Назимов: Политическій дилетантизм. Ан. Вершховскій: Из записок акцизнаго надзирателя. Жак Нуар: Грустная повѣсть. В безсонную ночь. Американская жизнь. Не состоявшаяся дуэль.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

В. Назимов.

Дилетантская политика.

В республиканской Франціи прочно установился обычай, считавшійся нормальным, красивым и патріотичным в бывшей имперіалистической германской Имперіи, усиліями сокзников освобожденной от милитаризма и поверженной в прах в результатѣ «священной» войны. Каждое воскресеніе глава правительства присутствует при открытіи памятника в честь павших воин в одной из деревушек Франціи, и по этому поводу произносит рѣчь во славу французскаго оружія и ниспровергнутаго в прах милитаризма. В послѣдней своей «демократической» и «антимилитаристской» рѣчи Пуанкарэ коснулся стараго вопроса о германско-французских отношеніях, в частности проблемы об очищеніи Рура. Несмотря на выдающуюся рѣчь канцлера Штреземана, в которой новый руководитель политических судеб Германіи с дѣйствительной смѣлостью схватил быка за рога, французскій премьер удовольствовался повтореніем своей грамофонной пластинки, знающей только один мотив: «мы уйдем из Рурской области лишь послѣ того, как Германія нам заплатит».

Штреземан в свой рѣчи весь вопрос о Рурѣ поставил на дѣйствительно реальную основу. Этим самым [illegible] дальнѣйшаго развитія этой проблемы как будто оказалась в руках Германіи. Дѣло в том, что для Штреземана, для Германіи, и для всѣх трезво и безпристрастно мыслящих людей, проблема начинается там, гдѣ для людей тупых, для политических дилетантов и для политических интриганов она кончается. Послѣдніе, а с ними Пуанкарэ твердят: пусть Германія нам заплатит; так говорит капризный ребенок, во что бы то ни стало требующій игрушки, в данный момент не имѣющейся в распоряженіи его воспитательницы. При чем мы совершенно оставляем в сторонѣ вопрос, дѣйствительно ли желает Пуанкарэ получить деньги от Германіи, а не остаться на Рурѣ на неопредѣленное время.

Для реальнаго политика, мыслящаго по европейски, сознающаго свою отвѣтственность перед родиной и всѣм культурным міром, проблема представляется и совершенно ином видѣ. «Сколько Германія должна заплатить, в какой срок должна она уплатить, сколько она в состояніи уплатить, и какими путями могут и должны быть реализованы и гарантированы срочные платежи». Вопросы эти Пуанкарэ повидимому совершенно не интересуют. А не интересуют они его потому, что при малѣйшей возможности практическаго разрѣшенія их, аннексіонистскія стремленія французскаго премьера и его сторонников вскроются совершенно опредѣленно, потому что его настоящая политика уже потерпѣвшая фіаско, будет расшифрована французским народом как величайшій блеф, и, наконец, также потому, что порвая серіозная попытка к дѣйствительному разрѣшенію злополучнаго вопроса приведет немедленно к паденію новоявленнаго французскаго Наполеона с адюкатским прошлым и будущим.

Этим и об'ясняется антипатія Пуанкарэ ко всяким международным и незаинтересованным инстанціям, по обслѣдованію которыми должна быть установлена германская платежеспособность и оцѣнка уже произведенных Германіей платежей. Эти уже сдѣланные платежи играют в дѣлѣ репараціоннаго вопроса куда большую роль, чѣм то принято думать в обывательских кругах. Французская и франкофильская пропаганда всяческими путями стараются убѣдить мір в том, что Германія вообще еще ничего не уплатила. С другой стороны Германія утверждает, что ею уплочено уже свыше 50 миллиардов марок золотом. И то и другое утвержденіе не правильно. Германія, согласно версальскому договору, не считая платежей произведенных на основаніи договора о перемѣнѣ внесла наличными и товарами по американской безпристрастной оцѣнкѣ не менѣе 26 миллиардов. Пуанкарэ очень часто любит ссылаться на огромныя жертвы, понесенныя Францией в 1871 году, когда Франція во исполненіе мирнаго договора уплатила 4 миллиарда марок золотом в теченіе 4-х лѣт, и на огромныя потери понесенныя Францией в пораженных войной областях в настоящее время. Если Пуанкарэ подсчитает безпристрастно, то он убѣдится в том, что 26 миллиардов больше 4-х даже в настоящее время, что Германія понесла в силу войны потери куда большія, чѣм Франція, и что потери понесенныя как Германіей, так и Францией в результатѣ мирной политики Пуанкарэ превосходят в значительной мѣрѣ потери понесенныя и Франціи и Германіи. Поэтому, в чем вряд ли скоро убѣдится Пуанкарэ, на первой очереди должен стоять вопрос формулированный Кэрзоном и Штреземаном, а не капризная формула, по существу невѣжественнаго, политикана Пуанкарэ.

В. Назимов.

Вокруг торговаго договора.

В издаваемых торговым отдѣлом Совѣтскаго представительства в Берлинѣ «Бюллетенях» проф. Варга, касаясь ведущихся здѣсь переговоров о заключеніи русско-германскаго торговаго договора, в которых он с русской стороны участвует, указывает на тѣсную экономическую зависимость, связавшую Россію и Германію в результатѣ того положенія, которое создалось для обѣих стран войною и сопровождавшими ее событіями.

Дѣло обстоит нынѣ так, что обѣ эти страны являются по отношенію друг к другу монополистами как рынки сбыта и источники снабженія.

Аграрная, ставшая еще болѣе аграрной, Россія с разрушенной промышленностью нуждается для развитія своей хозяйственной культуры в издѣліях германской промышленности, в избыткѣ германских организаціонных и технических сил; снабженіе Россіи из высоковалютных промышленных стран исключается финансовыми императивами. Продукты же русскаго сельскаго хозяйства и добывающей промышленности, по причинам того же финансоваго характера, внѣ конкуренціи на германском рынкѣ.

Промышленная, еще болѣе индустріализованная вслѣдствіе потери аграрных и сырьевых областей Германія нуждается в Россіи, чтобы прокормить свое населеніе и снабдить матеріалами свои заводы и фабрики; полученіе недостающих ей благ из американскаго материка и англійских колоний ей не по карману. При сбытѣ продуктов своей промышленности на міровых рынках Германія встрѣчает сильных противников в лицѣ обѣих англо-саксонских имперій, и промышленность ея, в поисках сбыта, стихійно устремляется в сторону Россіи.

Несмотря на это обиліе естественных данных, как бы предрѣшающих экономическій союз Россіи и Германіи, проф. Варга считается с возможностью возникновенія серьезных затрудненій, если бы германское правительство, под вліяніем промышленных кругов, пожелало настаивать на отказѣ от монополіи Внѣшторга. Государственная монополія внѣшней торговли является краеугольным камнем торговой политики Совѣтской Россіи и отмѣна ея не подлежит обсужденію. Однако, по мнѣнію проф. Варга, совѣтское правительство отнесется со вниманіем к предложеніям германских хозяйственных организацій, клонящимся к установленію наиболѣе цѣлесообразных, чуждых бюрократизма форм торговых сношеній обѣих стран, не нарушающих основ их политической структуры.

Диктатура.

В своей нашумѣвшей рѣчи нынѣшній министр финансов Германіи д-р Гильфердинг, — публицист, финансист, ученый и большой радикал, — произнес слово: «диктатура», перечисляя требуемыя обстоятельствами финансовыя, точнѣе фискальныя мѣры. Он оговорился, правда: «в рамках существующаго государственнаго строя». Понятіе о диктатурѣ для нас непримиримо с демократіей. Между тѣм, в демократической германской республикѣ оно стало популярным среди всѣх толков и теченій политической жизни страны. К диктатурѣ взывают, на нее возлагают свои надежды всѣ партіи, не только крайнія. Необходимость твердой власти, неуклоннаго проведенія мѣропріятій, «безпощадной» фискальной политики стали очевидны, и если до диктатуры дѣло еще не дошло, то только потому, слѣдует полагать, что, при существующем в Германіи равновѣсіи политических сил, каждая партія, стремясь водрузить «свою» диктатуру, увѣковѣчивает хаос политическаго междуцарствія, парализующаго творческія силы самаго просвѣщеннаго и трудоспособнаго народа в мірѣ.

Характерна в этом отношеніи постановка вопроса «Форвертсом», органом ортодоксальной соціалистической партіи, самой демократической в Германіи. По поводу неудавшейся коммунистам всеобщей забастовки «Форвертс» требует строгой координаціи дѣйствій профессіональн. союзов и централизаціи руководства рабочим движеніем в «верхах»; эти верхи несут всю отвѣтственность, от них одних исходят рѣшенія, которым рабочія массы подчиняются безпрекословно. Единство командованія и полное повиновеніе масс сугубо необходимы при осуществленіи всеобщей забастовки, ставящей на карту судьбу рабочих и значеніе их организацій.

Николай II и евреи.

(А. А. Лопухин. «Отрывки из воспоминаній». Москва. Госуд. Издательство. 1923 г. стр. 81-86).

Бывшій директор департамента полиціи А. А. Лопухин, только что выпустившій свои воспоминанія, разсказывает слѣдующее о своей бесѣдѣ с Витте, к которому он был экстренно вызван в Зимній Дворец для обсужденія еврейскаго вопроса.

«Было это 22-го января 1906 г. Придя к Витте в назначенное время, часа в 2-3 дня, во флигель Зимняго Дворца, гдѣ он тогда жил, я был принят им весьма любезно...

«Витте сообщил мнѣ, что обращается ко мнѣ, как к человѣку, который, как ему извѣстно, завѣдывал одно время по департаменту полиціи так называемыми еврейскими дѣлами, изучал исторію и правовое положеніе евреев в Россіи, а также как к лицу, освѣдомленному по своему прошлому служебному положенію о различных національных еврейских организаціях и их сравнительном политическом значеніи. Он сообщил мнѣ о необходимости заключенія крупнаго государственнаго займа заграницей и, в связи с этим, а также с общим политическим положеніем в Россіи, поставил мнѣ слѣдующіе два вопроса, прося отвѣтить на них совершенно откровенно: какія облегченія, «льготы» в правовом положеніи евреев необходимо произвести немедленно для того, чтобы, с одной стороны, привлечь к русскому займу еврейскіе банковскіе круги заграницей, а с другой, — внести успокоеніе в революціонно настроенныя еврейскія массы Россіи? С какими центральными еврейскими организаціями надлежит войти в сношенія, дабы на почвѣ вышеупомянутых «льгот» русскому еврейству добиться от них воздѣйствія на еврейскія массы в смыслѣ воздержанія послѣдних от участія в революціонном движеніи?

«Меня крайне поразило в Витте, с его умом, большим дѣловым опытом, и, казалось бы, опытом политическим, такое чисто обывательское представленіе о существованіи какого то еврейскаго политическаго центра, центра всемірнаго кагала, который, путем таинственных нитей будто бы управляет еврейством всего міра, может направить его «засилье» на ту или другую страну, может простым приказом бросит его в революцію или воздержать от участія в ней. Я высказал Витте, что такая организація существует только в области антисемитских легенд; в дѣйствительности же еврейство, подчиняясь общему закону классоваго дѣленія, страдает отсутствіем единства едва ли не болѣе, чѣм христіанскій мір. Тѣ же проявленія взаимопомощи, которыя наблюдаются среди евреев в Россіи, суть результаты прологоваго гнета. В частности я доказывал Витте совершенную неосновательность предположенія, что какая-либо организація націоналистическая, благотворительная, религіозная или иная может воздѣйствовать на революціонно настроенный еврейскій пролетаріат. Сговариваться об успокоеніи взбаламученнаго революціей еврейскаго моря не с кѣм. Но, конечно, можно было достигнуть этого успокоенія. Возможность эта крылась в то время, по моему убѣжденію, в добросовѣстности исполненія обѣщаній манифеста 17 октября 1905 г., в частности — в установленіи полнаго національнаго равноправія... Тѣм настойчивѣе возражал я против его плана частичных льгот. Онѣ, кромѣ недовѣрія не только в революціонной средѣ, но и в еврейских буржуазных, в частности финансовых кругах, ничего поселить не были в состояніи...

«Витте на это довольно туманно стал говорить мнѣ о том, что, хотя, дѣйствительно, національное равноправіе манифестом 17 октября и обѣщано, но осуществленіе его было бы ошибкою, может быть, даже нежелательно для самих евреев, так как было способно усилить в Россіи антисемитское движеніе...

«Затѣм я обратил вниманіе С. Ю. Витте на то, что правительство не имѣет права говорить о «льготах» для евреев, не будучи в состояніи оградить их от погромов, а «вы—сказал я ему, — накануне самых ужасных погромов... До меня доходят настолько настойчивыя свѣдѣнія о неизбѣжности погромов евреев, что сомнѣній для меня в этом быть не может...» Моя убѣжденность в передаваемых Витте свѣдѣніях, повидимому, убѣдила его: он был очень ими взволнован и стал меня спрашивать, гдѣ об'ясненіе этих явленій, откуда они идут. Я об'яснил, что, по моему глубокому убѣжденію, двѣ силы создают погромы: во-первых, черносотенныя организаціи, к тому времени весьма распространенныя и окрѣпшія, и, во-вторых, крайній правительственный антисемитизм. Первый фактор сам по себѣ мнѣ представлялся нестрашным, значеніе второго было очень грозно. Правительственный антисемитизм, исходя из центра в видѣ отдѣльных проявленій извѣстнаго настроенія, по іерархической лѣстницѣ доходил до низов правительственнаго механизма вылитым в прямой призыв к избіенію евреев; оттуда призыв подхватывался и выполнялся черносотенными кружками.

«Кого же, — спросил меня Витте, — можете вы указать в центрѣ, как сѣятеля еврейских погромов?» В отвѣт я разсказал ему слѣдующій, переданный мнѣ одним моим бывшим сослуживцем по департаменту полиціи, случай. (Далѣе Лопухин передает разговор этого своего знакомаго с только что назначенным градоначальником г. Ростова на Дону генералом Драчевским по поводу невозможности от кого-либо среди правительства получить «общія руководящія указанія по части политики»). ... «Я их получил, — отвѣтил Драчевскій,— от Его Величества». ...«Я, продолжал Драчевскій, — вчера по случаю назначенія имѣл счастье представляться Его Величеству, и Его Величество в разговорѣ о новом мѣстѣ моей службы изволил сказать мнѣ: «У Вас там и в Ростовѣ, и в Нахичевани очень жидов много!» На что я доложил, что я думаю, что их погибло много во время подавленія войсками революціоннаго возстанія и затѣм во время погромов. На что Его Величество отвѣтил: «Нѣт! Я ожидал, что их погибнет гораздо больше!»

«Ничего болѣе сказано не было, и это генералом, привыкшим по военному «ѣсть начальство глазами», было принято, как высочайшее указаніе к исполненію. ... Я добавил Витте мои предположенія, как по пріѣздѣ ген. Драчевскаго в Ростов «высочайшія указанія» будут, конечно, словесно переданы им полицмейстеру, от него перейдут к участковым приставам и так далѣе, к околодочным и городовым, которые с увѣренностью в своей правотѣ будут говорить мелким торговцам на базарѣ, что «жидам надо задать трепку», и что «за это ничего не будет».

«Я сказал еще Витте, что на такой инспираціи мѣстных властей погромным духом дѣло повидимому не останавливается, так как, как я слышал, дошло уже до того, что в департаментѣ полиціи учрежден особый аппарат для погромной агитаціи, снабженный подпольной типографіей.

«Впечатлѣніе мой разсказ произвел на С. Ю. Витте ошеломляющее. Он, повидимому, и не подозрѣвал, с какой простотою, с каким цинизмом, помимо него, через его голову царь натравливает одних своих подданных на других, как чуть ли не рядом с его кабинетом, гдѣ он, глава правительства, ведет бесѣды о мѣрах примиренія с цѣлым народом, какіе то ничтожнѣйшіе агенты власти истребляют этот народ огнем и мечом в сознаніи, что исполняют волю главы государства»...

Жак Нуар.

В безсонную ночь.

Въ долгую безсонную ночь, когда густая плотная темнота наполняетъ комнату, когда гулко тикаютъ на ночномъ столикѣ карманные часы, а въ щели холодной истопленной печи кричитъ сверчокъ. Когда въ углахъ слышатся неясные шорохи и до боли шумитъ въ ушахъ, — Онъ медленно подходитъ къ моей кровати.

Я знаю его давно.

Въ долгія безсонныя ночи онъ сидитъ согнувшись надъ моимъ письменнымъ столомъ, какъ будто что-то пишетъ. Несмотря на то, что онъ появляется всегда во тьмѣ, — я ясно вижу его блѣдное худое лицо съ тонкимъ носомъ, высокимъ лбомъ и полузакрытыми усталыми глазами...

Я даже различаю его костюмъ — немодный, мѣшковатый, дымчатаго цвѣта съ продольной сѣрой полоской

Онъ останавливается у кровати, скрещиваетъ руки съ длинными бѣлыми, какъ у талантливаго музыканта, пальцами и смотритъ на меня изъ подъ полуопущенныхъ рѣсницъ грустно-испытующимъ взоромъ...

— Ты не спишь? — спрашиваетъ онъ, и тихій голосъ его звучитъ издалека.

— Не сплю, — отвѣчаю я.

— Думаешь?

И не желая выдавать свои сокровенныя мысли, я говорю

— О чемъ же мнѣ думать? Не о чемъ.

— Не скрывай отъ меня, — чуть суровымъ тономъ возражаетъ онъ. — Все равно я все знаю. Хочешь, я тебѣ разскажу...

Онъ безшумно опускается на стулъ у кровати, облокачивается о его спинку и снова смотритъ на меня.

И я чувствую, какъ взоръ его проникаетъ въ мою грудь, пробирается къ сердцу, мягко его ощупываетъ, отчего оно сжимается и начинаетъ безпокойно вздрагивать.

— Ты сейчасъ думаешь, — заговорилъ онъ, — объ ушедшей [illegible] жизни съ ея яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, звенящимъ серебрянымъ смѣхомъ, нечаянными радостями... О томъ, что послѣдній мѣсяцъ лѣта на исходѣ, и у порога стоитъ печальная, безрадостно-скучная осень... А за ней придетъ суровая зима со старостью, одиночествомъ и отсутствіемъ любящаго существа...

Онъ вытянулъ руку, почти коснулся моего лица и продолжалъ.

— Старость! Развѣ она уже такъ печальна? Развѣ она не даетъ намъ мудраго опыта и глубокаго постиженія всей тщеты и суетности жизни?

— Ты помнишь такую картину:

— Въ легкихъ воздушныхъ одеждахъ рѣетъ надъ землей счастье въ образѣ чудесной красоты женщины. Сотни тысячъ рукъ протягиваются къ нему, чтобы достать его, но оно недостижимо. И вотъ, сильные выбираются на плечи слабыхъ. На сильныхъ карабкаются болѣе сильные. Образуется высокая гора придавленныхъ, распластанныхъ, умирающихъ въ корчахъ женскихъ и мужскихъ тѣлъ...

— И все выше забираются побѣдители. Одному изъ нихъ удалось сбросить своихъ соперниковъ и достигнуть вершины живой пирамиды. Счастливецъ у самаго счастья. Онъ протягиваетъ руки, чтобы ухватить его, но призракъ подымается еще выше, и человѣкъ съ искаженнымъ отъ душевной боли лицомъ, одинъ остается на вершинѣ съ протянутыми къ небу руками...

— Одиночество! Развѣ оно такъ страшно? Развѣ оно не углубляетъ наши переживанія, дѣлая жизнь полноцѣнной и многогранной? Оно изощряетъ наблюдательность, даетъ возможности постиженія психологическихъ глубинъ, питаетъ творчество и приноситъ радость свѣтлыхъ достиженій.

На дняхъ ночью я посѣтилъ одного человѣка. Онъ лежалъ на кровати и широко открытыми глазами вглядывался въ темноту. Рядомъ съ нимъ мирно спала женщина, которой этотъ человѣкъ отдалъ лучшіе годы своей жизни, ради которой онъ пожертвовалъ именемъ, положеніемъ, призваніемъ... Человѣкъ не спалъ и думалъ о томъ, что рядомъ съ нимъ лежитъ существо ему чужое, не понявшее его, не оцѣнившее той жертвы, которую онъ ему принесъ, не интересующееся его внутреннимъ міромъ... И въ одинъ моментъ человѣкъ понялъ, что такое настоящее одиночество... Одиночество вдвоемъ...

Онъ разбудилъ спящую женщину, зажалъ ей ротъ долгимъ поцѣлуемъ, а когда затихла послѣдняя судорога страсти и женщина опять уснула, слегка вздрагивая во снѣ, — человѣкъ осторожно сошелъ съ кровати, неслышно ступая босыми ногами, прошелъ въ слѣдующую комнату и черезъ нѣсколько минутъ недвижно повисъ на полотенцѣ, на томъ самомъ крюкѣ, гдѣ до этого висѣлъ большой портретъ прекрасной женщины...

— Любовь! — И голосъ его зазвучалъ совсѣмъ близко. — Развѣ существуетъ теперь это великое, озаренное божественнымъ свѣтомъ таинство, заставлявшее композиторовъ писать геніальныя мелодіи, вдохновлявшее поэтовъ на безсмертныя произведенія, диктовавшее художникамъ незабываемые образы, созданные красками и кистью...

Давно уже нѣтъ такой любви. Вмѣсто нея существуетъ какое-то тепленькое, мутненькое чувство, сведенное къ житейскому обиходу, примѣненное къ обывательской обстановкѣ... Оно отдаетъ запахомъ дешеваго парикмахерскаго одеколона и продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ...

Онъ вдругъ поднялся со стула, началъ быстро терять свои контуры, сдѣлалъ нѣсколько колеблющихся движеній и словно растаялъ...

...Сквозь закрытый ставень робко пробивался разсвѣтъ. Я подошелъ къ окну и открылъ ставень.

Улица спала. Напротивъ, хмурый, невыспавшійся дворникъ, подымая тучи пыли, подметалъ тротуаръ. Черная съ бѣлыми пятнами собака перебѣжала дорогу и скрылась въ подворотнѣ. Прошла закутанная въ сѣрую шаль баба, съ двумя жестянками молока.

А тамъ, за хвостомъ бурыхъ и влажныхъ отъ росы крышъ, чувствовалась блѣдно-розовая полоска зарождающагося дня...

Жак Нуар.

Золотой заем.

В Германіи идет подписка на **золотой заем.**

Условія займа изложены на стр. 2 настоящаго номера.

Самыя небольшія, имѣющіяся на руках средства можно **застраховать** до срока надобности **от обезцѣненія,** подписавшись на мелкую купюру займа в 1 или 2 доллара.

При помощи сберегательных касс и т. п. Einzahlen можно обезпечить подписки на сем **еще болѣе мелкія суммы.**

Подписная цѣна пока еще составляет **100%.**

Имѣющіе иностранную валюту или долларовыя свидѣтельства Германскаго Госуд. Казначейства могут пріобрѣтать облигаціи новаго займа по **95%** их номинальной цѣны.

Расцѣнка различных тяжелых валют по отношенію к доллару производится в настоящее время, принимая **1 доллар = 4,5 фунт. стерл., 2,5579 голландским гульденам, 5,5862 швейц. франкам, 6,2308 норвежским кронам, 3,7969 шведск. кр., 5,4977 датск. кр., 7,2 пезетам, 3,1355 аргентинским пезо и 2,025 іенам.**

Всѣ кредитныя учрежденія дают подробныя справки о подпискѣ на золотой заем.

КОЖАНЫЕ ТОВАРЫ
Элегантныя дамскія сумочки, сундуки, чемоданы с инкрустаціями и без таковых, бумажники
Лучшаго качества в большом выборѣ
Hermann Bergmann, Lederwaren G.m.b.H.
Landsberger Strasse 62 Berlin Alexanderstr. 40—41 (Lederverkaufshaus)